

И СТО ДРУЗЕЙ, И СТО РУБЛЕЙ: РОЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ УКРАИНСКИХ «ЗАРОБИТЧАНОК»

Задача статьи — изучение и концептуализация форм самоорганизации украинских трудовых мигранток в странах пребывания и роли социальных сетей для интеграции в принимающие сообщества на разных стадиях миграционного цикла. Работа выполнена на основе комплексного исследования, включающего анализ вторичных источников и многоэтапное полевое исследование. Как показал анализ, социальные сети мигранток играют решающую роль в поисках ими жилья и источников дохода, позволяя им одновременно выстраивать комплексные траектории интеграции, парадоксальным образом сочетающие более высокий уровень социальной включенности с восходящей степенью персональной автономности и пространственной независимости. В то же время принципы доверия, взаимной поддержки и групповой солидарности, лежащие в основе социальных сетей, могут использоваться не в альтруистических целях, а для удовлетворения эгоистических интересов их отдельных членов.

Ключевые слова: украинская женская миграция, социальные сети украинских мигранток, групповая солидарность «заробитчанок».

Введение

Существует точка зрения, что в последние десятилетия на развитие исследований миграции повлияли три основных фактора (Cunhan, Saguy 2011). Первый связан с признанием гендерных различий в мотивациях, рисках и факторах, управляющих движением мигрантов — мужчин и женщин, их ассимиляцией в принимающих странах, а также различных последствий миграционного опыта для представителей разных полов. Второй обусловлен привлечением понятия «социальные сети» для моделирования более динамичного миграционного процесса. Наконец, третий фактор состоит в признании того, что миграционные решения принимаются индивидами не автономно, а обусловлены их принадлежностью к домохозяйствам и более широким социальным структурам. Однако, за незначительными исключениями, эти три фактора исследу-

Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт Международной организации «Школа равных возможностей» (talissa@ukr.net, alicetol@yahoo.com).

ются чаще всего изолированно друг от друга. Это объясняет **основную цель** данного исследовательского проекта, состоящую в гендерно-ориентированном изучении социальных импликаций трудовой миграции как для самих мигрантов, так и для их семей, оставшихся в Украине, и для общества в целом. Одной из его **практических задач** являлось изучение и концептуализация форм самоорганизации мигрантов в странах пребывания и роль социальных сетей на разных стадиях миграционного цикла, а также для их интеграции в принимающие сообщества. Решению этой задачи и посвящена данная статья.

«Социальные сети» (СС) являются одним из центральных концептов фигуративной, или процессуальной социологии Норберта Элиаса (подробнее см. Козловский 2000), рассматривающей жизнь отдельного индивида и жизнь общества как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Социальные сети понимаются как «неформальные сообщества — инструмент общения, обмена мнениями и получения информации» (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 4). При этом мигрантские сети интерпретируются как системы международных связей, объединяющие мигрантов, бывших мигрантов, не-мигрантов на отсылающих и принимающих территориях посредством уз родства, дружбы и общности (Massey et al 1993). Некоторые исследователи рассматривают СС как своего рода «структуры доверия» (Berger, Luckman 1967), выполняющие функции проводников полезной информации (Massey et al 1987), медиаторов общественных ценностей и культурных восприятий (Curran, Saguy 2001), стимуляторов национальных дискурсов (Christou 2004). Кроме того, СС могут выполнять такие функции, как защита от дискриминации и ощущение психической безопасности в группе «своих», предоставление доступа к культурному или религиозному капиталу; предпочтение пространственной сегрегации, отказ от экономического взаимодействия с представителями других сообществ в пользу семейного или этнического бизнеса; использование специфического языка и благоприятных условий для иммиграции родственников (Валитов 2000). В условиях социального вакуума на начальном этапе миграционного цикла социальные сети — необходимое условие накопления мигрантами-новичками стартового социального капитала как коллективной ценности всех СС и создаваемого на их основе стремления делать что-то на пользу другому (Putnam, Leonardi, Nanetti 1993). В этом контексте на смену «индивидуальной рабочей этике» приходит «коллективная групповая этика», в которой ценятся социальные навыки общения «лицом к лицу» (Sennett 1998).

СС-мигрантов следует отличать от мигрантских общин. Хотя и те, и другие играют роль своего рода «пограничного буфера», помогающего

новоприбывшим сориентироваться в новых условиях, в последних практически исключается присутствие чужих, в то время как в первые нередко включено и даже приветствуется коренное население принимающего общества. Это способствует интеграции «новичков» в социально-экономический и культурный контекст иноэтнической среды. При этом важную роль играет групповая солидарность как интегративный процесс в данной этно-социальной группе. Таким образом, учитывая роль СС в миграционном процессе, их эмпирическое изучение представляется *актуальной научной задачей*.

Методология исследования

Данная работа исходит из представления, что хотя социально-сетевой подход пока не превратился в единую парадигму и опирается на различные концепции и методы (Гладарев 2009), само понятие СС требует нового набора объяснительных моделей и аналитических инструментов, находящихся вне рамок обычных количественных методов (Чураков 2001). Настоящее исследование опирается преимущественно на качественные, интерпретативные методы сбора и анализа информации, использованные в ходе комплексного полевого исследования. Исследование включало следующие этапы:

- глубинные интервью и дискуссия в фокус группе с 25 украинскими экспертами, проведенные летом 2008 г. На этом этапе были опрошены специалисты по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и мозговых центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д.;
- полуформализованные интервью и обсуждения в фокус группах с мигрантами и членами их семей (29 женщин и 12 мужчин разных возрастных групп), проведенные в 2008–2012 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, а также в Киеве и Львове. При этом опрашивались респонденты, имевшие опыт работы за границей в прошлом, нынешние «заробитчане» (трудовые мигранты), приехавшие из-за границы навестить родных, а также те, кто находился дома между циркулярными поездками на заработки за рубеж. Ряд интервью проводился в телефонном режиме, посредством интернет-программы Skype и электронной почты;
- включенное и невключенное наблюдение, которое проводилось в 2003–2011 гг. во время участия автора в научных проектах в странах Евросоюза, что дало возможность непосредственного общения с работающими там соотечественниками и участия в деятельности их объединений и общественных организаций.

Имена респондентов в тексте изменены, поскольку опыт данного и других исследований украинской миграции (Майданик 2010) свидетельствует о том, что информанты соглашались делиться личными переживаниями о своей жизни за рубежом только при условии соблюдения анонимности предоставленной информации из опасений, что она может стать доступной окружающим.

Украинские «прелетные птицы»*: женский профиль украинской миграции

Как показывают исследования, новые формы транснациональной мобильности, возникшие в Украине после распада социалистической системы, не являются гендерно нейтральными (Tolstokorova 2008; Igllicka, Gmaj, Borodzicz-Smoliński 2011; Cassidy 2013). Так, в начале 1990-х гг. мужская миграционная мобильность превышала женскую на 5–7 промилльных пунктов**. В период 1994–1999 гг., отличавшийся наибольшим ухудшением материального положения украинского населения, миграционная подвижность женщин снизилась в 1,8 раз меньше, чем мужчин. В результате миграционная активность лиц трудоспособного возраста обоих полов почти сравнялась (Драгунова 2009). Тогда же начали складываться предпосылки для феминизации внешней трудовой мобильности. Когда челночная торговля в ближнем зарубежье стала своего рода «спасательным кругом» для многих украинцев, лишившихся заработка в результате рыночных реформ, женщины составили 53,6 % «челночников» (Зовнішні трудові міграції населення України 2002: 84). Это можно объяснить тем, что в Украине не существует «проблемы “социальной допустимости” миграции женщин отдельно от мужчин» (Космарская 1998), как, например, в Центральной Азии. Поэтому уже в 1999 г. коэффициент миграционного оборота женщин превышал соответствующий показатель мужчин на 0,6 %, а в 2002–2005 гг. эта разница даже возросла: 32,5–32,8 % против 32,0–32,2 % у мужчин. Таким образом, налицо постепенная феминизация трудовых потоков из Украины, что согласуется с данными экспертного опроса 2008 г. (Tolstokorova 2009) и подтверждает мнение, что «новейшая украинская миграция, начавшаяся как преимущественно “мужская”, постепенно утратила этот признак» (Українська трудова міграція ...2005: 15).

По данным GFK-Ukraine (2008), в 1990-е гг. мужчины преобладали в миграционных потоках, поскольку их труд был востребован в строительных индустриях глобального Севера. Самостоятельная женская трудовая миграция, начавшаяся в конце 1990-х гг., была вызвана как

* (Morokvasic 1984).

** Промилле — единица измерения миграционных процессов, которая характеризует показатели в расчете на 1000 населения.

внутренними, так и внешними причинами. Внешними стали изменения глобального рынка труда, в результате которых дешевая женская рабочая сила из бедных стран потребовалась для удовлетворения спроса на рынке сервисных услуг постиндустриальных экономик (UN-INSTRAW 2007). Внутренними выталкивающими факторами, по мнению аналитиков, являются: боязнь невозможности обеспечить семью средствами существования; страх перед будущим; стремление к самоутверждению за счет заработков. В то же время психотерапевты, работающие с клиентками-репатриантками, указывают на следующие мотивации «заробитчанства»: непреодолимые материальные проблемы в семье, утрата веры в возможность найти себя в новой экономической ситуации, убежденность в том, что за границей их обязательно ожидает успех (Прохасько 2006).

В интервью с экспертами высказывались предположения, что массовый выезд женщин на заработки за рубеж преимущественно из Западной Украины объясняется религиозным фактором: традиционной сплоченностью галичанок вокруг церковных общин и организаций. Однако результаты невключенного наблюдения в сочетании с материалами обзора украинской прессы дают основание заключить, что основным движущим фактором женского «заробитчанства», причем не только в Западной Украине, стали новые виды женских социальных сетей, своего рода «стратегическое сестринство» (Predelli, Halsaa 2012), позволявшее женщинам поддерживать друг друга в условиях «шоковой терапии» (см. Толстокорова 2012). Эти социальные сети стали формироваться в середине 1990-х гг. на вещевых рынках, куда массово перекочевали женщины из закрывшихся предприятий и те, кто лишился зарплат в школах и больницах. Здесь формировались новые общественные интересы и ценности, приобретался новый опыт неформальных доходов, испытывались новые методы обеспечения материального благосостояния и через них рекрутировались кадры для зарубежного «заробитчанства», формируя новое социальное явление — внешнюю трудовую миграцию, ставшую для женщин из постсоветских государств одновременно и «стратегией менеджмента биографии» (Beck-Gernsheim 2011), и «радикальным опытом независимости, в определенном смысле стихийным феминистским проектом» (Бредникова, Ткач 2010).

Роль социальных сетей как стратегий социальной включенности на разных этапах миграционного цикла

СС играют важную роль на всех этапах миграционного процесса, от принятия решения о выезде до решения о возвращении домой. Вот как объяснила причину решения ехать на заработки в Италию Тамара, работавшая до отъезда нянечкой в клинике небольшого городка в Западной

Украине: «Мне давно предлагали ехать на заработки, но я все боялась: а смогу ли я? Там, наверное, мало тряпкой махать, нужно еще что-то уметь, чтобы работу найти. А у меня на работе была одна женщина. Такая безрукая, ничего делать не умела! Знаете, о таких говорят, что у них руки из одного места растут. Что ей не поручи — все завалит. И тут мне говорят, что она уволилась и сейчас работает нянечкой в Италии. Я себе думаю: “Ничего себе! Ну, если уже такие <...> себе работу там находят, то мне сам Бог велел ехать”. Вот так и поехала» (Тамара, работает домработницей в Риме).

Эта история подтверждает представление о том, что изначальные опасения мигрантов относительно возможных рисков миграционного процесса теряют значимость по мере того, как все больше людей из их окружения приобретают опыт миграции. Это объясняется тем, что более плотные СС обеспечивают потенциальных мигрантов более достоверной информацией как об открывающихся возможностях, так и об опасностях в пунктах назначения миграции (Portes, Vass 1985). Получаемая благодаря СС информация способствует принятию решения о миграции и повышает ее вероятность в соответствии с принципом «циркулярной и кумулятивной причинности» (Massey 1990). Благодаря этому в миграцию вовлекается все больше людей, изначально не склонных к риску (Tasoli 1995).

«Сетевая социальность» (Wittel 2001) как «индивидуальная способность мобилизовывать необходимые ресурсы» (Portes 1995: 12), том числе СС, играет особенно важную роль в стране назначения миграции. Находясь в состоянии социальной исключенности со стороны социокультурной макросреды принимающего общества, мигранты прибегают к формированию СС как средству включенности в микросреду этнических сетей и средству накопления социального капитала. Интервью показали, что наблюдение Н. Харни относительно украинских «заробитчан» в Неаполе верно и в отношении к украинским мигрантам в других странах. В частности, оно подтвердило, что «за последнее десятилетие они научились справляться с трудностями неаполитанской жизни настолько, что созданные ими социальные сети (включая помогающих им неаполитанцев) являются основным инструментом, благодаря которому мигранты находят работу, жилье и вообще возможность устроиться. Украинцы больше не приезжают без заранее найденных работы и жилья, даже если они все еще попадают в Италию по фальшивым визам или визам, которые не дают право на работу» (Харни 2010: 409).

Действительно, СС играют первостепенную роль в поиске мигрантами доступа к ресурсным возможностям, прежде всего трудоустройству и жилью. Наличие СС необходимо для преодоления сложностей адаптации к новым условиям, особенно на начальном этапе обустройства в чу-

жеродной среде. Это хорошо видно в интервью с Ольгой, перекликающимся с историями многих других респонденток: *«Да, конечно, если живешь в семье хозяина, то в этом есть свои преимущества. Особенно в самом начале. Во-первых, так и дешевле, и надежнее, если у тебя есть жилье и не надо платить за квартиру и за питание. Но потом, знаете, это начинает давить, все-таки это не очень удобно, жить приживалкой. И потом, когда ты на виду с утра до ночи, тебе все 24 часа нужно быть в форме. Понимаете, иногда чувствуешь себя так паршиво, и так тяжело держаться, и нет сил привести себя в порядок, и так не хочется, чтобы тебя кто-то видел в таком состоянии, а нужно идти работать и быть все время на виду. Когда работаешь и живешь в одном доме, ты себе не принадлежишь и не можешь расслабиться. Ты живешь как в общежитии и принадлежишь хозяину. За два года такой общежитской жизни меня это так достало, что я решила: все, пора уходить. К тому времени у меня были уже кое-какие знакомства, и они мне помогли найти работу уборщицы. Зарплата такой же, как когда я ухаживала за стариком, даже чуть больше. Понятно, что так дороже, потому что нужно самой платить за жилье и питание, но я уже кое-что скопила и пошла на это. Главное, что у меня теперь есть свой угол. По утрам я, как и все, иду на работу и ничем не отличаюсь от остальных. И я знаю: теперь я не принадлежу никому, я сама себе хозяйка»* (Ольга, домработница в Риме).

История информантки Иванны свидетельствует о том, что СС могут подтолкнуть к решению о нелегальном «заробитчанстве» тех, кто легально выехал за границу, изначально не имея намерения менять свой визовый статус. Приехав в Израиль в гости к подруге детства, женщина не рассчитывала оставаться в стране надолго. Решение задержаться на какое-то время, чтобы поправить свое материальное положение, пришло спонтанно и было подсказано окружением, в котором, по ее словам, *«пол-Израиля — это мои украинские знакомые»*. Именно они посоветовали Ивianne решить свои финансовые проблемы, устроившись домработницей в доме зажиточных израильтян. Несколько друзей, выходцев из ее родного города в Украине, помогли найти маклера, который способствовал трудоустройству Иванны нянечкой в молодой семье, где она одновременно исполняла роль домработницы, вернее, «домохозяйки», как она сама выразилась, поскольку все проблемы менеджмента быта впоследствии легли на ее плечи. В результате «временная подработка» затянулась на три года. Причем если до поездки «в гости к подруге» Иванна, по ее словам, не задумывалась о поисках работы за границей, то теперь эта стратегия стала частью ее жизненного сценария.

СС оказывались необходимы мигранткам и на более позднем этапе пребывания в принимающем обществе. Они сыграли решающую роль

в решении проблем Надежды, не пожелавшей оставаться в доме своей хозяйки, когда у той начались сложности с бизнесом, отразившиеся на ее характере и стиле жизни. Женщина попала в Грецию благодаря содействию бывшей соотечественницы, живущей в Греции и имеющей там свою фирму. Она предложила Надежде место домработницы в своем особняке и для этого помогла ей получить официальное разрешение на работу в Греции. *«Поначалу меня все полностью устраивало, потому что я не знала языка и сама не смогла бы найти себе работу и жилье. Но поскольку я жила и работала у “наших”, то это решало все проблемы: она (хозяйка) говорила по-русски, и у меня была сразу и работа, и жилье. Но где-то через год у хозяйки начались проблемы с бизнесом. Она стала задерживать зарплату, выпивать, потом мужики стали приходить толпами, начались попойки, ругань, драки. И ко мне стали приставать. Короче, там стало опасно, нужно было срочно “делать ноги” оттуда. Я уже немного говорила по-гречески и успела обзавестись знакомствами. Встретила там одну нашу женщину, которая раньше работала в Италии. Она дала мне адрес своих бывших итальянских хозяев, и я с ними связалась. Ну вот, теперь я здесь, в Милане. Учительница музыки и эстрадная певица, а приходится “мыть попы” этим старым итальянским ..., которых мой дед не добил во время войны. Но зато здесь я ни от кого не завишу, я сама решаю, что мне делать и как жить. Захочу уехать — возьму и уеду!»* (Надежда, учитель музыки, эстрадная певица, работает домработницей в Милане).

Это интервью подтверждает наблюдение греческих исследователей о том, что «как правило, длительность проживания в Греции является тем фактором, который способствует улучшению положения мигранток. Со временем женщины лучше знакомятся с обществом, овладевают языковыми навыками, выстраивают прочные производственные отношения с работодателями и зарабатывают социальный капитал, приобретая друзей и расширяя свои социальные сети» (Tastsoglou, Hadjiconstanti 2003; Kaurinkoski 2009). Разница лишь в том, что в данном случае социальный капитал послужил Надежде не для упрочения, а для разрыва патологических производственных отношений и поиска более благоприятных условий работы. Навыки создания и использования преимуществ ССгодились ей и для адаптации к условиям жизни на новом месте. Переехав в Италию, женщина сначала жила и работала сиделкой в семье работодателей, участие которых позволило ей уехать из Греции. Однако, будучи человеком с высоким культурными запросами, Надежда использовала свободное время для ознакомления с местными достопримечательностями: ходила в музеи, на художественные выставки и вернисажи, посещала театры, концерты, ездила на экскурсии. Это позволило ей завести друзей среди культурной интеллигенции Милана и главное — среди коллег-музыкантов, которые помогли ей организовать несколько

благотворительных сольных концертов, что для нее было очень важно как для профессионала. После этого Надежду стали приглашать в гости местные любители эстрады. Иногда они предлагали ей временные «подработки» по присмотру за детьми или стриками в семьях своих знакомых или родственников. Это позволило ей лучше изучить язык, освоиться в новом окружении и сформировать «группу поддержки», которая помогла интегрироваться в местное сообщество и собрать стартовый капитал, необходимый для аренды отдельного жилья и обретения автономии от работодателя.

Многие другие интервью также свидетельствуют о том, что решение вопроса о качестве своего индивидуального жизненного пространства — «дома дляномады» (Бредникова, Ткач 2010) — является одним из принципиальных социально-культурных рисков чужеродного окружения, связанных в том числе и с безопасностью условий жизни мигранток*. Используемая Тамарой и Ольгой траектория мобильности «от общежития — к жизни-соло»** оказалась типичной в нашей выборке. Женщины отмечали, что хотя она требует более высокой степени социальной пластичности, самодостаточности, навыков самоорганизации и интегрированности в СС, в то же время избавляет от пространственных ограничений, коммуникационных коллизий и эмоционального дискомфорта, неизбежных в условиях проживания в семье работодателя. Однако самым важным для женщин было то, что она предоставляла им свободу выбора и возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

В то же время исследования показывают, что по мере встраивания мигранток в СС принимающего общества, СС и связи с отправляющим сообществом значительно ослабевают или даже разрываются (Бредникова, Ткач 2010). Как рассказала информантка Иванна: *«У меня очень много знакомых за границей. Так вот когда они приезжают сюда погостить, первое время не нарадуются: “Ой, наконец я дома! Как хорошо дома!” А потом через несколько дней начинают вспоминать свою Данию, свою Германию, потом начинается: “Ну как это так, воды горячей нет!” И то им не так, и это не так. А потом: “Ну все, пора домой, домой, домой”. Потому что дом у них на самом деле уже не здесь, а там»* (Иванна,

* Исследование социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются украинские мигранты во время работы за рубежом, в частности в Испании, показало, что проблемы с жильем и здоровьем (по 11 % соответственно) стоят на втором месте после проблем с выплатой заработной платы (62 %) (Европа без бар’єрів 2012: 56).

** Термин «жизнь соло» (solo-living) был предложен группой британских ученых для обозначения особенностей стиля жизни людей трудоспособного возраста, живущих отдельно от семьи (См: Smith, Wasoff, Jamieson 2005).

домработница в Израиле). Это интервью демонстрирует, что хотя на начальном этапе миграционности гастарбайтеры переживают пограничное состояние одновременного пребывания и «там», и «здесь», сохраняя самые тесные связи с местом исхода, продолжая общение с родственниками и соплеменниками и регулярно возвращаясь «домой» для подтверждения своего статуса члена сообщества (Абашин 2012), по мере их интеграции в принимающее сообщество и снижения миграционных затрат, СС становятся все более независимыми от тех факторов, которые их породили (Massey et al. 1993: 450).

Однако это наблюдение относится лишь к тем мигрантам, которые находятся за границей. Для тех, кто вернулся в Украину, СС, наработанные за время зарубежного трудоустройства, могут быть полезны даже после завершения миграционного цикла. Так, творчески их использовала с выгодой для себя информантка Валентина, вернувшаяся в родной южноукраинский город после работы в московском секторе домашних услуг. За время трудоустройства в российской столице она имела неоднократный опыт «продажи» своего рабочего места новоприбывшим землячкам: либо временно, для поездки домой в отпуск, либо постоянно, когда уходила на новое место работы с более выгодными условиями. Заработав достаточную сумму, необходимую для реализации ее изначальных целей, она вернулась на родину с намерением продолжить работу на старом месте. Однако восстановить прежнее трудоустройство ей не удалось, и Валентина осталась без работы и без видов на пенсию. Тогда она решила конвертировать социальный капитал, заработанный в России, в финансовый капитал на родине. Используя свои СС среди потенциальных клиентов домашних услуг, рекрутеров, риелтеров и домовладельцев в Москве, она организовала неформальный частный бизнес в родном городе, предлагая работу и жилье в российской столице своим землячкам, желающим уехать туда на заработки. Таким образом, с помощью «заробитчанских» СС Валентина смогла обеспечить себе трудоустройство уже на постмиграционном этапе жизненного цикла, способствуя интеграции в принимающее сообщество новых поколений мигранток. Этот пример подтверждает, что транснациональные сети мигрантов способствуют возникновению новых видов человеческого поведения и новых уровней экономических взаимосвязей, тем самым играя существенную роль в социальных и экономических аспектах глобализации (Orozko et al 2005).

Нарушение принципа групповой солидарности в социальных сетях

Несмотря на то, что нормы доверия, сплоченности и взаимной поддержки являются основополагающими в СС (Валитов 2000; Portes 1995; Light, Gold 2000; Marger 2001; Christou 2004), нельзя игнорировать тот факт, что иногда их использование вступает в противоречие с принци-

пами групповой солидарности. Интервью с мигрантками и материалы прессы свидетельствуют о том, что СС могут использоваться в корыстных и эгоистических целях, например, для обеспечения нечестных заработков или в противоборстве с соперниками на рынке труда. В частности, «заробитчанам», потерявшим работу, оказавшимся в затруднительном финансовом положении или новичкам их земляки могут «продать» помощь в трудоустройстве, на поверку оказывающуюся «фальшивкой». В такой ситуации оказалась «заробитчанка» в Италии Татьяна: *«Я здесь никого не знала <...>. Не знала языка, никакой информации у меня не было. Купила себе работу, ну, то есть, мне продали работу — мы это называем “работа на колесах” (lavoro di ruota). Это значит, что ты идешь работать с каким-нибудь стариком, а потом через день-два приезжают его дети или племянники и тебя вышвыривают на улицу, и ты теряешь те 300 долларов, которые заплачены за эту работу. Потом ты покупаешь новую работу, и опять платишь 300 долларов. Я слышала много таких историй, об этих непорядочных людях, которые зарабатывают на нас деньги»* (Nare 2007).

Кроме того, существует множество мошенников, обещающих вновь прибывшим выгодно вложить деньги или сделать легальные документы. Люди им верят, отдают свои сбережения, а потом остаются без гроша в кармане. Об этом рассказал «заробитчанин» в интервью газете «Украина молодая»: *«Возмутительно, что наши земляки не поддерживают друг друга <...> Иду на площадь Каталонии, где наши встречаются, говорю: мне нужен работник. Приводят электрика, который на самом деле лампочку за четыре дня вкрутить не может. Оказывается, посредник взял с него деньги за трудоустройство и привел ко мне»* (Косинська 2008).

Вышеупомянутая информантка Надежда рассказала, что работая домработницей в Италии и имея знакомых среди миланских музыкантов, надеялась найти возможность для профессионального развития как певица. Она интенсивно изучала итальянский язык, уделяя особое внимание профессиональной лексике, которая помогла бы ей найти общий язык с местными коллегами. Когда соседки по бараку, где она проживала, обратили на это внимание, они стали иронизировать по поводу профессиональных амбиций Надежды: *«Вот вы спрашиваете, как складываются отношения с местным населением и с земляками. Так я скажу, что с итальянцами иногда легче найти общий язык, чем с нашими. У меня много знакомых итальянцев, которые мне очень во многом помогли, и по работе, и с жильем, и вообще по жизни. А вот у наших иногда, как говорится, снега зимой не выпросишь. Меня итальянцы поддерживали, помогли организовать сольные концерты, возили на экскурсии, знакомили с нужными людьми. А наши наоборот, еще и пытаются “утопить”. Наши бабы, как узнали, что я учу итальянский по разговорнику, стали ехидничать: “Что ты там*

всякие высокие материи учишь? Думаешь, оно тебе здесь понадобится? Кому ты здесь нужна? Слишком высоко о себе мнишь. Ты здесь «баба-сит-тер», вот и учи то, что тебе положено знать: тряпка, швабра, ведро, веник! Вот это твое, а она сольфеджики всякие там учит!» Вот такие у нас люди». (Надежда, домработница в Милане).

На отсутствие взаимной поддержки и понимания с землячками как причину своих проблем и решения уехать домой указывала и Екатерина, работавшая уборщицей в Москве. Ее соседки по трехкомнатной квартире подтрунивали над ее высокими стандартами в качестве питания и культурными запросами, что приводило к трениям и сказывалось на эмоциональном состоянии информантки: *«В общем, общего языка не находили, и начались у нас проблемы. В конце концов это меня так измотало, что я стала писать домой детям: “Дети, заберите меня отсюда! Я здесь уже больше не могу!”»* (Екатерина, два года работала уборщицей в Москве).

В ходе невключенного наблюдения одна из членов мигрантских сетей рассказала, что получившие легализацию гастарбайтеры, проживающие в мигрантских анклавах или кварталах и хорошо знающие своих нелегальных соседей — друзей по несчастью, нередко доносят на них в полицию, чтобы после их выдворения занять освободившееся место на рынке труда. Таким образом, принцип групповой солидарности, так же, как и «фактор доверия», выделяемый российскими исследователями как один из пяти основополагающих принципов формирования СС (Бредникова, Паченков 2002), в условиях жизненных реалий нередко нарушаются.

Выводы

Как следует из проведенного полевого исследования, в решении наиболее сложных бытовых вопросов, возникающих в процессе адаптации и интеграции в чужеродное окружение, в частности, в обеспечении жильем и источниками дохода, наличие СС является решающим фактором, позволяющим мигранткам одновременно решать эти проблемы и выстраивать комплексные *траектории интеграции*, парадоксальным образом сочетающие более высокий уровень социальной включенности с восходящей степенью персональной автономии и пространственной независимости. По сути дела, именно степень социальной включенности благодаря наработанным СС предопределяет степень личностной автономии и свободы выбора мигранток в вопросах быта и благоустройства.

В то же время интервью показали, что коррозия социальных отношений и проявления «социальной аномии» (Кара-Мурза 2012), свойственные современному украинскому обществу, не обошли стороной

и мигрантские сети. «Глубоко укорененные рентоориентированные межличностные сети» (Дубровский и др. 2010), сформировавшиеся еще при государственном социализме, на почве современных процессов дезинтеграции, отчуждения и социальной поляризации превращаются в общественные язвы, разъедающие человеческие отношения украинцев как в самой стране, так и за ее пределами. Принципы доверия, взаимовыручки и групповой солидарности, лежащие в основе СС, зачастую используются их отдельными членами для удовлетворения собственных эгоистических интересов в ущерб коллегам по цеху, придавая СС характер «антисоциальных». Тем не менее, можно утверждать, что именно благодаря своим СС мигрантам удается иметь одновременно «и сто друзей, и сто рублей», что придает известной поговорке новые коннотации, обусловленные реалиями современной «драмы постсоветского “великого переселения народов”» (Буховец 2001).

Литература

- Абашин С.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
- Буховец О.Г.* Постсоветское «великое переселение народов»: драма в зеркале статистики // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 81–92.
- Валитов В.* Социальные сети российских эмигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 112–120.
- Гладарев Б.* Социологический анализ дружбы: перспектива сетевого подхода // Дружба: очерки по теории практик / Под ред. О Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 114–186.
- Губанов Д.А., Новикова Д.А., Чхартишвили А.Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Под ред. чл.-корр. РАН А.Д. Новикова. М.: Издательство физико-математической литературы, 2010.
- Драгунова Т.А.* Современные тенденции миграционной мобильности женщин Украины // Женщина. Общество. Образование. Материалы 11 международной междисциплинарной научно-практической конференции (19–20 декабря 2008 г.): В 2-х тт. Минск: ЖИ ЭНВИЛА. Т. 2. 2009. С. 309–312.
- Дубровский В., Шимер Я., Грейвс-Третий У., Головаха Е., Гарань А., Павленко Р.* Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 56–72.
- Європа без бар'єрів.* Українсько-іспанський міграційний вектор. Український внесок до міграційної карти ЄС на прикладі Іспанії. Київ, 2012.
- Зовнішні трудові міграції населення України /* За ред. Е.М. Лібанової, О.В. Позняка. Київ: Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України, 2002.
- Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2012.

Козловский В.В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.3. № 3. С. 40–59.

Косинська Ю. «В Україні, сину, ти робив би все це для своїх...» // Україна молода. № 212. 12.11.2008.

Космарская Н.П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России. М.: МЦГИ, Проект гендерная экспертиза, 1998.

Майданик І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи, 2010.

Прохасько Т. Італійський синдром // Українсько-польський інтернет-журнал. 28.04.2006. [<http://www.ukraine-poland.com/u/publicystyka/publicystyka.php?id=4813>].

Толстокорова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2012. № 1. С. 198–226.

Українська трудова міграція до країн Європейського Союзу у дзеркалі соціології. Інформаційно-аналітичне видання. Київ: ПАУСІ, 2005.

Харни Н. Восток получает свой средиземноморский порт: украинцы в Неаполе // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 407–424.

Чураков А.Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 108–121.

Beck-Gernsheim E. The marriage route to migration of border artistes, transnational matchmaking and imported spouses // Nordic Journal of Migration Research. 2011. Vol. 1. Issue 2. Pp. 60–68.

Berger P. L., Luckman Th. The Social Construction of Reality. Garden City, NJ: Doubleday Anchor, 1967.

Cassidy K. L. Gender relations and cross-border small trading in the Ukrainian-Romanian borderlands // European Urban and Regional Studies. 2013. Vol. 20. No 1. January. Pp. 3–13.

Christou A. Reconceptualizing Networks through Greek-American Return Migration: Constructing *Identities*, Negotiating the *Ethnos* and Mapping *Diasporas* — Theoretical Challenges Regarding Empirical Contributions // Spaces of Identity. 2004. Vol. 4. No 3. Pp. 53–70.

Cvajner M. Hyper-femininity as decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // Ethnography. 2011. Vol. 12. No 3. September. Pp. 356–374.

Curran S.R., Saguy A.C. Migration and Cultural Change: A Role for Gender and Social Networks? // Journal of International Women's Studies. 2001. Vol. 2. No 3. June. Pp. 54–77.

GFK Ukraine. The Contribution of Human Resources Development to Migration Policy in Ukraine. Kyiv. 2008 (Draft).

Iglicka K., Gmaj K., Borodzicz-Smoliński W. Circular Migration Patterns. Migration between Ukraine and Poland. METOIKOS Project. Florence: European University Institute, 2011.

Kaurinkoski K. Gendered migration patterns and experiences of Ukrainian immigrants in Greece // Spotlights on Russian and Balkan Slavic Cultural History, Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe / Eds. Ioannidou A., Voss C. Munich: Otto Sagner, 2009. Pp. 39–55.

Light I., Gold S. Ethnic Economies. San Diego: Academic Press, 2000.

Толстокорова А.В. И сто друзей, и сто рублей: роль самоорганизации...

Marger M.N. The Use of Social and Human Capital among Canadian Business Immigrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. No 3. Pp. 439–453.

Massey D. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. Vol. 56. Issue 1. Pp. 3–26.

Massey D., Alarcon R., Durand J, Gonzalez H. Return to Aztlan: The Social Process of International Migration From Western Mexico. Berkeley, CA: University of California, 1987.

Massey D., Arango J., Hugo G, Kouaci A, Pellegrino A., Taylor J. Theories of International Migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No 3. Pp. 431–466.

Morokvasic M. Birds of Passage Are Also Women... // *International Migration Review*. 1984. Vol. 18. No 4. Pp. 886–907.

Nare L. Ukrainian and Polish Domestic Workers in Naples — A Case of East-South Migration // *Migration Online*. 05.02.2007. [www.migrationonline.cz/e-library/?x=1966763].

Orozko M., Lowell B.L., Bump M., Fedewa R. Transnational Engagement, Remittances and their Relation to Development in Latin America and the Caribbean. Final report. Institute for the Study of International Migration, Georgetown University, 2005.

Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview, // *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship*. / Ed. Portes A. New York: Russell Sage Foundation, 1995. Pp. 1–41.

Portes A., Bac R. Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States. Berkeley: University of California Press, 1985.

Predelli L.N., Halsaa B. Majority-Minority Relations in Contemporary Women's Movements Strategic Sisterhood. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Sennett R. The Corrosion of Character. New York: W W Norton and Co, 1998.

Smith A., Wasoff F., Jamieson L. Solo Living Across the Adult Life Course. CRFR Research Briefing 20. 2005. [<http://www.cfr.ac.uk/reports/rb20.pdf>].

Tacoli C. Gender and International Survival Strategies: a Research Agenda With Reference to Filipina Labour Migrants in Italy // *Third World Planning Review*. 1995. Vol. 17. No 2. Pp. 199–212.

Tastsoglou E., Hadjiconstanti J. Never outside the Labour Market, but Always Outsiders: Female Migrant Workers in Greece // *The Greek Review of Social Research*. Special Issue «Gender and International Migration: Focus on Greece». 2003. No 110 A. Pp. 189–220.

Tolstokorova A. Locally Neglected, Globally Engaged: Ukrainian Women on the Move // *Technologies of Globalization*. International Conference Proceedings / Eds. Anderl R., Arich-Gerz B., Schmiede R. Darmstadt: Technical University Darmstadt, 2008. Pp. 44–61.

Tolstokorova A. Who Cares for Carers?: Feminization of Labor Migration from Ukraine and its Impact on Social Welfare // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2009. Vol. XVIII. No 1. Pp. 62–84.

UN-INSTRAW. Global Care Chains. Working Paper 2. 2007.

Wittel A. Towards a network sociality // *Theory, Culture and Society*. 2001. Vol. 18. No 6. Pp. 51–76.